

Юлия РУТБЕРГ и Алексей КОРТНЕВ: «В доме все должно соответствовать образу жизни»

было оформлено. Везде были книжные полки. Папа почти все делал своими руками. Тогда многие обустраивали квартиры своими руками. А папа был еще любителем «художественных» помоек — в то время на помойки выбрасывали такие потрясающие вещи, что там можно было найти все вплоть до антиквариата, например, изделия из красного дерева. Однажды на той квартире нас затопило горячей водой, и на обоях выступила плесень. А вскоре у нас должны были отмечать чей-то день рождения. Нужно было срочно что-то придумать. И тогда мы с мамой расписали эту стену в виде решетки Летнего сада. А эта плесень выглядела на ней как плюш.

— **Ваша квартира находится почти в самом сердце Москвы. Вы специально искали квартиру в центре?**

— Да, потому что наша семья всегда жила в исторических районах Москвы: на Пушкинской, в Сокольниках. И нам невозможно представить себе, что мы окажемся в Бибиреве или Чертанове.

— **А за городом ты не хотела бы жить? Сейчас это очень модно...**

— У нас такой ритм жизни, что я не очень могу себе это представить, хотя и мечтаю, чтобы у нас был какой-нибудь дом в ближнем Подмосковье, куда можно было бы выезжать. Потому что воздух, которым мы дышим, — просто безумие. Мы живем в эпицентре: из окон видны гигантские трубы, а совсем недалеко аорта проходит (Садовое кольцо). Когда мы сюда переехали, квартира была абсолютно иной: все было оклеено темными обоями, а большая комната была перегороджена на три «клетки». Это был

Из проекта журнала «Дом и сад» — Юрий Кортнев

Актриса Юлия Рутберг и музыкант Алексей Кортнев фактически живут на два дома. Один — маленькая квартир-студия, другой — большой и уютный дом Юлиных родителей...

— **Юля, тебе нравится, как выглядит ваша квартира, ваш дом? И похож ли он на тот дом, в котором ты провела детство и юность?**

— Нет, дом, в котором я провела детство, совсем не похож на эту квартиру. До семи лет мы жили в коммунальной квартире — я еще застала коридорную систему. Тогда было совершенно невозможно ничего купить, во-первых, было страшное безденежье, а во-вторых, потому что и выбора никакого не было. Поэтому какой диван был, такой и стоял у нас очень долго, была маленькая детская кроватка, так я и спала в ней до семи лет.

Правда, у нас и в той квартире стоял замечательный музыкальный инструмент «Август Ферстер». Это наш наследственный инструмент: на нем все дети учи-

лись играть. У нас в семье все потомственные музыканты: мама окончила Гнесинку, дядя учился там же на скрипке, я училась в Гнесинской музыкальной школе. И Гриша начинал там учиться. Поэтому самой дорогой вещью в нашем доме был этот изумительный инструмент старинных мастеров. Купили его бабушка с дедушкой в то время, когда у них появилась в Сокольниках в хрущевской пятиэтажке первая квартира. И вот с тех пор он так и «бродит» с нами, пережил такое количество переездов, что стал уже просто почетным гражданином нашего дома.

Позже в двухкомнатной квартире на Ленинградском проспекте все было сделано очень уютно, но скромно, в стиле шестидесятников: никаких изысков не было. Вернее, изыск был в том, как это

Большой обеденный стол для Юлии Рутберг — одна из самых важных вещей в доме.

Юлия Рутберг

18-метровая кухня стала решающим обстоятельством при покупке этой квартиры. На стене — «герб» дома.

кошмар! Мы здесь все переломали и сделали большую комнату большой комнатой. Сразу открылось пространство. Появилось много воздуха. Потом через несколько лет мы сделали евроремонт уже силами рабочих.

— Силами дизайнеров или сами все придумывали?

— Сами. Сейчас уже прошло достаточно много лет, все опять требует ремонта. И Гриша уже вырос. Сначала они жили в одной комнате с бабушкой, теперь Грише будет 14 лет, и он живет на две комнаты: на бабушкину и большую. То есть у нас в зависимости от того, как подрастают дети, от того, кто чем занят, происходит миграция по квартире. Но тем не менее у нас опять же все сделано от удобства, а не просто для того, чтобы было красиво. Два года назад мы заказывали по своим чертежам черные книжные шкафы. Но я не могу сказать, что это нечто особенное. Еще очень важно для нашей квартиры то, что мы сделали арки, — мы максимально пытались создать в квартире атмосферу свободы и воздуха. Народу и так много — хотелось простора. Стены мы специально делали светлыми, так как светлые тона зрительно увеличивают пространство. Арки тоже специально сделали для этого. Хотя у нас и не дворец, создается ощущение анфилады комнат. Зеркальные шкафы в проходе между комнатой и кухней и в прихожей — тоже для увеличения пространства.

— У вас замечательный овальный стол. А стол, особенно круглый, — мечта многих и символ семейственности, уюта, домашнего очага с давних времен...

— Да, и когда к нам приходят гости, то мы всегда садимся за этот большой стол. Когда кто-то забегает, сидим на кухне за круглым столом. Мы переехали в эту квартиру во многом потому, что здесь очень большая кухня — 18 метров. А это основное место сбора всей семьи. А вообще у каждого есть свой уголок в квартире. В одной комнате живет бабушка со своим укладом, со своими иголочками, ниточками, коробочками, даже комодиком. У па-

пы своя комната и одновременно кабинет: с масками, с архивом, с огромным количеством видеокассет, книг. Мамина епархия, ее вотчина — это кухня. У меня на Смоленской угла нет, потому что я живу на два дома. У меня есть свой шкаф в комнате и часть шкафа в прихожей. Я прибегаю, оставляю здесь свои шкурки. Ночую в большой комнате, на раздвижном диване. Комнат всего три, на всех не хватает. Когда родители уезжают, то хватает места и на нас с Лешкой. А у Лешки очень маленькая квартирка, практически чуланчик, где одновременно находится и спальня, и студия, так что там мы не можем ночевать даже вместе с Гришкой.

— При первом же взгляде на комнату бросаются в глаза три твоих больших фотопортрета, висящих на стене. Тебе нравится, чтобы тебя окружало собственное изображение?

— Их родители повесили, потому что, во-первых, очень удачные, а во-вторых, потому что я хоть и бываю здесь часто, но реже, чем им хотелось бы, и они скучают. Но вообще вешать портреты и устраивать из жилища собственную галерею я не хочу. У меня даже картина с моими портретом стоит в углу, я ее так и не повесила, да и не собираюсь.

— Есть какие-то особенно дорогие твоей душе вещи?

— Их много, поскольку везде сплошные подарки. В шкафу стоят привезенные мне из всех стран мира вакуумные шары разных конфигураций с названиями городов. А на пианино моя коллекция — верблюдов. Их тоже везут из всех стран мира. Здесь и деревянные верблюды, и металлические, есть даже верблюд фирмы «Сваровски», сделанный на заказ. Есть еще гжельский. У нас, как и раньше, везде книги. Наша незаменимая лампа на столе — тоже символ домашнего уюта. Лампа старинная, а абажур мы поменяли, надели вот этот зеленый (такое общество «Зеленая лампа»), потому что тот был драненький. Мы очень любим эту лампу. Удивительно, но, когда мы ее сюда по-

ставили, никто не заметил, что что-то чужое привнеслось. Она сразу вписалась, сжилась с нами. Мама собирает синюю кобальтовую посуду: синие вазы, синие бокалы, синие рюмки, в основном синее стекло. Мы стараемся ей дарить такие предметы. Над диваном висит любимая мамина картина нашего друга, художника Шербаума (тоже в синих тонах).

— А почему в коридоре на потолке висит одна лампочка?

— Потому что когда-то упал абажур. А ремонт же нельзя закончить. Его можно только волей прекратить. Поэтому мы плюнули и остановились.

— Мне кажется, что самое обжитое и уютное место в вашем доме — кухня...

— Да, это такой центр цивилизации, Нью-Васюки. Деревянная кухня была нашей мечтой. Мы долго искали, а эта из светлого дерева, с большим количеством отверстий, куда модно ставить всевозможные штучки, нам сразу очень понравилась. Сверху стоят горшки, глиняная грузинская посуда — мама увлеклась грузинской утварью. Мама замечательно готовит. И эти горшки не раз доставляли нам гастрономическое удовольствие. Сейчас я настаиваю, чтобы мама как можно меньше утруждала себя. Две фарфоровые солонки с росписью привезены дедушкой и бабушкой из Германии. Это подлинные вещи Третьего рейха. У нас много вещей из дерева в кухне: доски, ложки, подставки. Они дают энергию, и от дерева идет тепло. У нас нет ничего блестящего, даже плитка на стене матовая, потому что блестящие вещи очень раздражают и дейст-

вуют на нервную систему. Посуда на кухне в основном керамическая, простая. Я люблю лаконизм и простоту, потому что есть из фарфоров для нас неорганично. Все в доме должно соответствовать образу жизни. А так мы привозим разноцветные кружки из всех столиц мира. На кухне мама тоже сделала занавески и обтянула диван. Картина на стене, над диваном — это герб нашего дома, который подарил папе на 50-летие его одноклассник, художник Марат Баскаев. Рисунок сделан в виде букв И и Р, которые читаются, как Илья Рутберг, и ИР — это Ирина, мама, рядом кошка, поскольку в нашем доме всегда были кошки.

Наша ванная комната нам тоже не просто досталась. Но мы очень довольны тем, как она выглядит. Ванну мы специально искали треугольную. У нас была идея сделать все в ванной черным: саму ванну, раковину, рамку для зеркала. Нам сказали, что с белого еще можно смыть, а на черном все видно. Но мы с мамой были убеждены, что нам все равно нужно все черное. И только то, что в комплекте не нашлось черной раковины, заставило нас отказаться от нашей безумной идеи. Обязательны мы хотели, чтобы висело большое зеркало. Это просто необходимо. А в общем, пока ты делаешь ремонт, думаешь, что будешь на все это молиться и божиться... А тут мы облазили и выставки всякие, и магазины, ноги себе стесали. На ВДНХ мы с мамой освоили все павильоны, знали, где что, — хотелось и поменьше истратить, и получше купить.

Вообще-то Юлия утверждает, что не любит, когда на стене висят ее портреты. Но родители настояли...